
ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ GENERAL LINGUISTICS, HISTORY OF LINGUISTIC IDEAS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 136–145.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(5(511)):136-145.

Научная статья

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-136-145

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОНЦЕПТУАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА: ИСТОРИЯ ИДЕЙ

Ольга Александровна Турбина

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, 0000-0002-0074-3483

Аннотация. Статья посвящена анализу наследия мыслителей прошлого, в частности — идей представителей средневекового концептуализма, модизма и авторов универсальных грамматик Нового времени. В статье показано, что многие из них незаслуженно забыты, хотя по своей глубине и содержанию они созвучны гипотезам и идеям, вокруг которых выстраиваются концепции известных лингвистов XX и XXI вв., в числе которых представители когнитивной лингвистики, генеративной грамматики, психолингвистики и других направлений, где анализ когнитивно-семиотической деятельности направлен на всестороннее изучение языка как особой теории, сотворенной человеческим разумом, как системы систем, объединяющей различные интра- и экстралингвистические аспекты, как уникальной знаковой системы, в которой закодированы механизмы познания мыслью самой себя, как единого живого организма, в котором господствует антропологическое начало. В частности, такие термины как «языковое сознание», «концепт» (и его производные), «глубинные» и «поверхностные структуры» предложения многими лингвистами XX в., включая отечественных, были восприняты и оценены как «новые», а между тем они были введены в научный узус и употреблялись философами и грамматистами в их трудах несколькими столетиями ранее, чем в исследованиях представителей вышеуказанных современных направлений лингвистики. Тем не менее, среди языковедов XX в. особо выделяется выдающийся французский лингвист Г. Гийом, в когнитивно-семиотических исследованиях которого учтены и получили развитие идеи мыслителей прошлого, которые он блестяще использовал в своей концепции при описании и анализе когнитивно-семиотических процессов, в том числе — идея о вариативности языкового представления и выражения.

Ключевые слова: средневековый концептуализм, модизм, универсальная грамматика, когнитивная лингвистика, генеративная грамматика, человеческий разум

Для цитирования: Турбина О. А. Средневековый концептуализм и современная лингвистика: история идей // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 136–145. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-136-145

Original article

MEDIEVAL CONCEPTUALISM AND MODERN LINGUISTICS: THE HISTORY OF IDEAS

Olga A. Turbina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, 0000-0002-0074-3483

Abstract. This article examines the intellectual legacy of past thinkers, specifically focusing on medieval conceptualism, modism, and the universal grammars of the Modern Age. It demonstrates that many of these ideas have been undeservedly forgotten, yet their depth and content resonate with hypotheses underlying the work of renowned linguists of the 20th and 21st centuries. These include representatives of cognitive linguistics, generative grammar, psycholinguistics, and other fields where cognitive-semiotic activity is analyzed to study language as a unique theory created by the human mind; as a system of systems uniting various intra- and extralinguistic aspects; and as a unique sign system encoding the mechanisms by which thought understands itself. Essentially, language is viewed

as a single living organism dominated by the anthropological principle. In particular, terms such as “linguistic consciousness,” “concept” (and its derivatives), and “deep” and “surface structures” of a sentence were perceived and assessed as “new” by many 20th-century linguists, including Russian scholars. Meanwhile, these terms were introduced into scientific usage and employed by philosophers and grammarians in their works several centuries prior to the studies of representatives of the above-mentioned modern trends in linguistics. Nevertheless, among 20th-century linguists, the outstanding French linguist Gustave Guillaume stands out. In his cognitive-semiotic research, he accounted for and developed the ideas of past thinkers, which he brilliantly utilized in his conception to describe and analyze cognitive-semiotic processes, including the idea of the variability of linguistic representation and expression.

Keywords: medieval conceptualism, modism, grammar universals, cognitive linguistic, generative grammar, human mind

For citation: Turbina O.A. Medieval Conceptualism and Modern Linguistics: the History of Ideas. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(5(511)):136-145. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-136-145

Введение

В 1977 г. под редакцией А. Жоли и Ж. Стефанини вышел сборник статей¹, задачей которого было опровергнуть, наконец, существующее мнение, ставшее расхожим в современной лингвистике благодаря Н. Хомскому и его последователям, что генеративная (универсальная) грамматика берет свое начало от «Общей и рациональной грамматики Пор-Рояля» (1660 г.), и показать в этой связи первостепенную роль средневековых грамматистов и особенно модистов, ибо это они в своем учении о модусах впервые сформулировали основные принципы общей грамматики [15, с. 9]. Однако данное мнение остается в тени могучего авторитета Пор-Рояля. Объясняется это, видимо, тем, что дошедшие до нас труды средневековых мыслителей по известным причинам очень малочисленны и труднодоступны², в то время как Грамматика Пор-Рояля регулярно переиздается: в начале девяностых только в нашей стране вышло два ее русских перевода³, а в 1991 г. опубликован также русский перевод «Логики» Пор-Рояля⁴. В это время такое оживление интереса отечественных лингвистов к универсальным грамматикам было вызвано, с одной стороны, дошедшим и прочно укрепившимся «эхом» распространения

влияния в мировой лингвистической среде генеративной грамматики Н. Хомского, теоретический аппарат которой в числе прочего оказался полезен для разработки лингво-инженерных компьютерных программ. С другой стороны, отечественная лингвистика, по мнению некоторых ученых, в последней четверти XX в. вступила в «предметный кризис» [10, с. 250]. В поисках свежих идей и под влиянием активно развивающегося в зарубежном языкознании когнитивного направления в начале 90-х прошлого столетия она рывком освободилась от советских оков материализма и обратила свой взор на запретный для нее до сей поры плод — языковое сознание: «С начала 90-х годов в московской психолингвистической школе начинает формироваться новый объект исследования, получивший название “языковое сознание”, и новая методологическая база для этнопсихолингвистических исследований» [Там же]. Данный период ознаменовался также и зарождением отечественной когнитивной лингвистики, представители которой посвящают свои исследования анализу структуры и формирования коллективного языкового сознания, изучая выделенные ими его единицы — *концепты*. *Языковое сознание* и *концепт* становятся центральными объектами активно развивающейся отечественной когнитивной лингвистики, обозначив, наряду с серией производных, ее понятийно-теоретический аппарат: *концептосфера*, *концептуальный анализ*, *концептуализация*, *концептуальная метафора* и др. Здесь стоит вспомнить, что до начала девяностых годов прошлого столетия отечественная наука обходилась без термина *концепт*, оперируя термином *понятие* (переводным от латинского *conceptus*), что подтверждают Философский словарь — 1991⁵ и Лингвистический

¹ La grammaire générale / Des modistes aux idéologues // Présenté par André Joly et Jean Stéfanini. Lille, 1977. 255 p.

² См. об этом: Арно А., Лансело Кл. Грамматика Пор-Рояля / пер. с франц. Н. Ю. Маслова, Е. Д. Панфилова, М. В. Гординой. Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. 126 с.; там же см. библиографию средневековых трудов по универсальной грамматике.

³ Арно А., Лансело, Кл. Грамматика общая рациональная Пор-Рояля / пер. с франц. Н. Ю. Бокадоровой. М. : Наука, 1990. 212 с.; Арно А., Лансело, Кл. грамматика Пор-Рояля / пер. с франц. Н. Ю. Маслова, Е. Д. Панфилова, М. В. Гординой. Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. 126 с.

⁴ Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить / пер. с франц. В. П. Гайдмана. М. : Наука, 1991. 417 с.

⁵ Современная западная философия: Словарь. М. : Политиздат, 1991. 414 с.

энциклопедический словарь — 1990, где термин *концепт* не упоминается [8, с. 59].

А нов ли термин, да и сам объект?

Возвращаясь к грамматике Пор-Рояля, ставшей своеобразным триггером для оживления в конце XX века в отечественной лингвистике идеи языкового универсализма и связанной с ней идеи языкового ментализма, вспомним о первородной роли в этом вопросе средневековых грамматических трудов, на которую по праву обратили внимание авторы процитированного выше сборника научных статей¹. И действительно, в этой связи весьма остро ощущается необходимость еще раз вернуться в средневековье и проследить развитие схоластической мысли в указанном направлении.

1. Кратко о парадигме философско-грамматической мысли в Средневековье

Средневековая схоластика сосредоточилась на двух философских проблемах: на споре номинализма и реализма и на доказательствах бытия Божия. Первый, известный еще как *спор об универсалиях*, непосредственно затрагивает лингвофилософский аспект. Корнями он уходит в эпоху позднего эллинизма, с новой силой возобновляется в период ранней схоластики и через все средневековье переходит в философию Нового времени. Принципиальные разногласия философов касались вопроса «существуют ли реально универсалии?»². По Аристотелю, идеи (в более поздних философских концепциях — универсалии) вторичны по отношению к вещам, но находятся в прямой зависимости от них. У Платона вещи — тени идей. Чтобы решить проблему онтологии бытия, сводимую по сути к отношению «материя-дух», достаточно было бы принять (с поправками, или без) концепцию либо Платона, либо Аристотеля. Но по мере развития человеческого самоосознания все более настойчиво привлекает к себе внимание проблема слова (языка) и его связи с мышлением. Ведь ни Платон, ни Аристотель не дали в итоге однозначного ответа на вопрос, где место языка в ряду (да и в ряду ли?) «материя-дух». Сам предмет для средневекового человека крайне загадочен, таинственен, даже окрашен в мистические тона. Для ученого ума вопрос о сущности единицы языка сложился в проблему: знаки языка — это и есть категории Аристотеля, или же категории Аристотеля являются видами реальных вещей?

¹ La grammaire générale / Des modistes aux idéologues // Présenté par André Joly et Jean Stéfani. Lille, 1977. 255 p.

² Современная западная философия: Словарь. М. : Политиздат, 1991. С. 231.

Крайний номиналист Иоан Росцелин (ок. 1050–1120) полагал, что слова служат лишь для обозначения единичных вещей. Даже если в их значении и усматривается нечто универсальное, оно признается лишь пустым «выдохом голоса», а потому существование универсалий отрицается как в языке, так и в метафизике. Реальными считались лишь материальные предметы, а не отвлеченные понятия. Слово же реально лишь в момент его произнесения и только потому, что оно называет конкретную вещь. Реальность слова кончается вместе с прекращением его звучания.

Сторонники радикального реализма, ярким представителем которых был Гийом де Шампо (1070–1121), признавали реальность и универсальность общих идей. Согласно их взглядам, универсалии обладают первичным бытием по отношению к материальным вещам и существуют автономно от них, воплощаясь в языковых единицах, которые, собственно, и подтверждают реальность универсалий: языковая семантика рассматривалась представителями реализма как хранилище идеальных форм, что позволяло им рассматривать знаки языка в качестве аргумента в пользу реальности универсалий.

Как видим, в сущности, спор об универсалиях непосредственно касается проблемы референции языкового знака. При этом решалось два вопроса: 1) что является денотатом языкового знака; 2) каково содержание понятия, выражаемое языковым знаком. Второй вопрос в крайнем номинализме во внимание не принимался. Для крайнего реалиста понятие, заключенное в отдельном слове, ограничивается общими признаками класса предметов, к которому принадлежит именуемый предмет: например, понятие имени «Сократ» включает только признак «человечность». Что касается ответа на первый вопрос, то для номиналиста денотатом языкового знака является конкретный единичный предмет, а для реалиста — идея, или универсалия образа предмета.

Переходим к главному.

2. Истоки средневекового концептуализма

Уже в период ранней схоластики наблюдаются попытки преодолеть антагонизм крайних направлений номинализма и реализма. В наибольшей степени это удалось замечательному человеку, выдающемуся философу и теологу, значительно опередившему свое время, а потому далеко не однозначно оцененному современниками, — Пьеру Абеляру (1079–1142). Опыт обучения Абеляра у представителей двух противоположных концепций — Росцелина и де Шампо — позволил ему

выработать диалектический взгляд на природу универсалий. Он хорошо осознавал уязвимые и сильные стороны каждого направления, что определило его собственный подход. Так, восприняв от своих учителей наиболее ценное, он занял позицию умеренного номиналиста. Позднее это направление получило название *концептуализм* [8, с. 60].

Согласно Абеляру, универсалии ни до, ни после вещей: они суть в вещах, ибо каждая единичная вещь принадлежит к тому или иному классу. Эти общие признаки объектов идеальны по своей природе и доступны лишь мысли. Это означает, что универсалии существуют исключительно «внутри» разума конкретного человека, а не за его пределами. В ментальном пространстве универсалии представлены в форме *концептов*, которые находят свое материальное выражение в словах и которые определяются Абеляром как единицы мышления, сложившиеся в результате опыта познания окружающей действительности [5, с. 258–261]. Как не прислушаться, ведь сказано вполне достаточно даже для уровня современной науки, в особенности это было бы полезно для того ее состояния, в котором пребывала зарождающаяся в начале 90-х гг. XX в. отечественная когнитивная лингвистика. Для сравнения вспомним известное определение концепта Е. С. Кубряковой, которая блестяще и совершенно точно охарактеризовала его как единицу мысли — как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), как единицу познания¹.

Но вернемся к Абеляру. Для него мышление концептами — это языковое мышление, а речь предстает как бы внешним мышлением и, значит, подчиняется логике последнего. Номиналистический уклон теории Абеяра проявляется в том, что для него все сознание языковое: помыслить о чем-либо значит — мысленно сказать, ибо, по мнению Абеяра, концептуальный мир человека целиком заполнен внутренними языковыми знаками. И все-таки в своем стремлении направить интересы науки на изучение внутреннего мира человека (в контексте средневековья это воистину был подвиг), попытавшись дать ему толкование на материалистической основе, Абеяр вырвался из своего времени, что вызвало недовольство церкви, и ряд его трактатов был осужден как за-

блуждения, а сам он долгие годы провел в заключении.

Однако, когда полтора столетия спустя Фома Аквинский (1225–1274) работал над своей концепцией, он уже не мог не учитывать того, что сделал в свое время Абеляр. В споре об универсалиях Аквинский занимал позицию умеренного реалиста. По его мнению, существуют универсалии трех видов: 1) до единичных вещей как идеальный предобраз индивидуальных предметов и явлений в божественном разуме; 2) в самих вещах; 3) в познающем человеческом разуме как результат абстрагирования от единичного [5, с. 253]. Универсалии как первого, так и второго типов существуют вне человеческого разума, хотя вторые и могут быть объектами познания. В человеческом мышлении в качестве объектов познания они соотносятся с понятиями, а те в свою очередь — с именами, представляющими собой что-то вроде «внутреннего слова» — *концепта*, стоящего не в конце (как у Абеяра), а в начале «цепочки» мысли: не от реальной вещи и не от мысленного образа отталкивается мысль, а от этого концептуального знака, который придает определенную направленность акту восприятия и познания в целом. Говоря на языке современного языкознания, содержание понятия языкового знака в трактатах Абеяра и Аквинского приобретает, соответственно, несколько специфическую направленность: Абеляр акцентирует денотативное значение, в то время как для Аквинского первостепенную важность имеет интенциональный характер концептуального знака.

3. Идея универсального языка и правильной грамматики

В целом же, по единодушному мнению схоластов, логико-понятийный аппарат у всех людей в мире одинаков, т. е. его устройство универсально. Поэтому универсальна и концептуальная языковая структура [2, с. 236]. Различия начинаются только на уровне речи — они затрагивают лишь означающее, «звуковую оболочку», и чтобы перевести фрагмент речи на другой язык, достаточно, согласно схоластической теории, заменить одни наборы звуков другими [7, с. 218; 17, с. 34; 19, с. 126]. Здесь невольно вспоминается идея Н. Хомского об общности грамматик, суть которой в том, что основные понятия некоего языка (фонема, предложение) определяются независимо от конкретного языка.

Итак, сознание людей, по-средневековому — разум, имеет универсальную природу. Оно строится на основе и посредством языка, но и язык

¹ Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 90.

всецело зависит от порождающего его разума, из чего следует, что должен существовать универсальный язык, всеохватывающе отражающий свойства человеческого интеллекта, его логико-понятийного аппарата. Поиски универсального языка, характерные для схоластики, приводили к тому, что статус такового получал обычно какой-либо древний язык: греческий, древнееврейский, а на территории бывшей Римской империи чаще всего — латынь.

В ответе на вопрос, почему в средневековой Европе латинский язык (реже греческий) характеризовался как универсальный, следует уточнить коннотацию исходного понятия. Во-первых, «универсальный» в контексте средневековья нужно понимать не как «в большей степени отражающий операции разума», а как «наиболее развитый», т. е. имеющий в своем арсенале достаточное количество форм, позволяющих выразить мысль наиболее адекватно, полно и эстетично. Сама же потребность в поиске универсального языка обусловлена философско-дидактической парадигмой эпохи, когда в условиях развития национальных языков и растущей необходимости их кодифицировать ощущалась нужда в опоре на непогрешимый авторитет [2, с. 219], который видели в античных теориях и, соответственно, в древних языках. Латынь была своего рода эталоном, «дидактической моделью», посредством которой можно было истолковать явления других и новых европейских языков. «Универсальный язык» в этом смысле значит «образцовый». Во-вторых, говоря об универсальном устройстве всех языков, имели в виду не единую языковую структуру, а универсальную врожденную потенциальную способность всех людей к языку, единство материальной основы речи и принципов ее использования.

И вот несколько столетий спустя Н. Хомский водит понятие «правильной грамматики», на которой базируется «правильная теория языка» [11, с. 9]. Из нее должны выводиться грамматики конкретных языков, ибо это на общих для всех языков элементарных правилах и универсальных моделях построены структуры базы (глубинные структуры) — прототипы поверхностных структур, их трансформов, распространенных в грамматиках разных языков [11, с. 60–65]. При этом Н. Хомский так же, как и грамматисты средневековья, опирается на идею об универсальном устройстве понятийно-логического аппарата. Здесь стоит заметить, что уже в 70-х гг. XX в. учеными (в том числе и отечественными: В. М. Солнцевым,

В. Г. Гаком, Д. Н. Шмелевым, Р. Г. Пиотровским и др.) было выражено сомнение не только в объяснительной ценности ядерных (глубинных) структур для универсальной теории языка, но и в их когнитивной реальности, ибо не было ни в эпоху средневековья, как нет и сегодня, доказательств тому, что выделенные Н. Хомским глубинные модели определяются мыслительными операциями. А ведь именно к ним апеллирует ученый.

А как решали эту проблему мыслители средневековья?

Универсальные потенции человеческого разума к языку и универсальный понятийно-логический аппарат — это тема отнюдь не обусловленная связью с языком, хотя и решается не без участия последнего. Представление об этом не было чуждо средневековым мыслителям. Более того, они прекрасно осознавали, что мир невербальных представлений человека устроен принципиально иначе, нежели отражательная способность животных. Концептуальный мир человека отличается от последней прежде всего своей абстрактной, символической природой и его существование немислимо без языка. Взаимобусловленная связь области невербальных представлений сознания с языком и стала причиной ее отождествления с концептуальной языковой структурой. Но суть в том, что ни о какой структуре языка, особенно в грамматическом аспекте (в современном значении) пока не могло быть и речи. По средневековому, мысль — это внутреннее проговаривание, не более того.

4. Учение модистов об универсальных принципах грамматики

Положение существенно меняется в позднем Средневековье с возникновением на базе теории умеренного реализма (в частности, на основе томизма) философско-грамматического, теперь уже с полным основанием можно сказать — лингвистического учения модистов, выдающимися в числе которых были Иоанн Дакийский, Боэций Дакийский, Мартин Дакийский, Фома Эрфуртский, Сигер из Куртре и др. [16]. Именно модисты впервые заговорили о концептуальной языковой (грамматической) картине мира, обозначив тем самым объект интересов лингвистики и отграничив последнюю от логики. Такой поворот в истории науки стал возможен, с одной стороны, в силу дальнейшего развития грамматической мысли. С другой — благодаря переосмыслению научной ориентации: поздняя схоластика ставит метафизику выше логики, стремясь к созданию глобальной концепции реальности. Любая научная

дисциплина в этот период ищет в частных явлениях универсальные закономерности, позволяющие выявить фундаментальные законы всего сущего.

Основу понятийно-методологического аппарата философско-грамматической теории модистов составляют способы проявления сущностей различных уровней, или видов бытия — *модусы* (*modi*). Основными из них являются: *модус существования* (*modus essendi*) — способ бытия объекта реального мира; *модус представления*, или познания (*modus intelligendi*) — результат осмысления восприятия объекта как способ его бытия в человеческом сознании; *модус обозначения* (*modus significandi*) — способ бытия первых двух модусов в языковом знаке и *модус построения* (*modus construendi*) — способ выражения модуса обозначения в речи. Несмотря на свою абстрактную природу, модусы обнаруживают себя в объектах материального мира или языковых единицах, становясь доступными для эмпирического наблюдения.

Понимание модуса представления в контексте языка затруднено его косвенным характером. Он соотносится с материальным миром и с единицами языка не напрямую, а через систему «посредников» — модуса существования и модуса обозначения. Однако осмысление модуса представления — первостепенная задача грамматиста, так как это им определяется модус обозначения — *исходный принцип* (*principia*) *грамматики* (Бозций Дакийский; цит. по: [15, с. 310]). Следовательно, в трактовке модистов модус обозначения выступает инструментом репрезентации действительности в языке. Но при этом сама грамматика признается вторичной (*posteriora*), ибо она обусловлена модусом представления.

Итак, по теории модистов, грамматика берет свое начало от вещей. Модусы существования, модусы представления и, следовательно, модусы обозначения, согласно общности их природы, тоже общие. Вывод: грамматическая система, построенная на основе модуса обозначения, носит универсальный характер. Данное заключение нередко связывают с учением модистов, не учитывая важный нюанс: универсальный статус они приписывали не самой грамматике, а фундаментальным принципам (*principia*) её организации. Для модистов «единство грамматики» — это общие для всех языков способы их построения (*modi construendi*), которые воплощают в себе, по свидетельству Иоанна Дакийского, универсальные грамматические законы (Иоанн Дакийский; цит. по: [17, с. 36]; см. об этом также: [4, с. 18]).

Для модистов грамматика — это абстрактная структура, отражающая принципы бытия реального мира. Ее описание является задачей лингвиста. Все, что сегодня мы называем лексико-семантическим анализом, модисты относили к области интересов логики [4, с. 33]. Грамматическая единица, согласно модистам, возникает тогда, когда модус обозначения оформляет членораздельный звук (*dictio*) в соответствии с модусами бытия обозначаемого объекта и его интеллектуального восприятия. Так возникают части речи (слова) и предложения, или, как мы скажем сегодня, — категоризация, концептуализация и номинация полностью определяются модусом обозначения на основе модуса представления, формируемого модусом существования: модисты видели в грамматике способ обозначения, продиктованный самим устройством бытия, и вся система модусов имела четкий онтологический вектор, где модусы всех уровней взаимообусловлены, опираясь на первичный модус существования.

Таким образом, модисты были первыми, кто выделил концептуальную область языка, ограничив ее как от невербального мышления, так и от материального речевого субстрата. Правда, следует отметить, что сами модисты не дали описания ни концептуальной области языка, ни соответствующих дефиниций, но по их высказываниям можно восстановить эту структуру такой, какой она им представлялась.

Согласно модистам, та область интеллекта, которая оперирует модусами представлений, является над-языковой, но здесь формируется база для порождения модусов обозначения — особых операций мышления, отвечающих за порождение вербальных единиц. Сфера бытия модусов обозначения сосредоточена в *концептуальной структуре языка*, где они аккумулируют интенцию модусов представления и транслируют её модусам построения — на уровень формирования конкретных высказываний. Языковая концептосфера включает в себя грамматический строй, который представители этой школы уподобляли геометрии, акцентируя внимание на его абстрактности и строгой универсальной логике. Также она охватывает лексико-семантическую область, изучение которой ошибочно считается второстепенным в трудах модистов. Тем не менее, модисты прекрасно осознавали значение этой области языковой концептосферы, но они игнорировали ее, считая недостойной внимания лингвиста (грамматиста).

Для современной лингвистики теория модистов ценна тем, что она изобилует подсказками

для исследователей. Так, например, в парадигме модусов просто и элегантно представлен механизм лингвосомиозиса языка и речи, равно как и вариативность (относительность) восприятия, представления и выражения. Поэтому разработанный модистами метод может быть с успехом использован, к примеру, лингвистами-дискурсологами при анализе как актуализации, так и восприятия когнитивно-дискурсивного целого и его частей (от ощущения — к восприятию, от восприятия — к представлению, от представления — к выражению), или при контрастивном анализе языков разных типов.

Итак, система модусов в грамматической теории модистов ориентирована онтологически. Однако онтологические воззрения эпохи поздней схоластики, как и всего Средневековья в целом, имеют коренные отличия от того, как категория бытия трактуется в современной философии. Истоки современной онтологии лежат в немецкой классике, прежде всего в учении И. Канта. Она знаменует собой фундаментальный сдвиг фокуса с категории «бытия объективного мира» на исследование онтологических основ человеческого существования¹. Учение о бытии в Средние века было почти дистанцировано от вопросов человеческой природы. Это «почти» прямо указывает на специфику позиции модистов: опора на теорию модусов демонстрирует, что человеческий интеллект выступает не пассивным созерцателем, а деятельным участником осмысления и наименования объектов мира. Но человеческий интеллект у модистов ориентирован исключительно на внешний мир и находится в полной зависимости от него. Это означает, что формирование модуса представления обусловлено не субъективными порывами, а исключительно онтологическими характеристиками самих предметов. Так что об интерпретации познающим человеческим разумом явлений внешнего, а тем более внутреннего мира и трансляции результатов когниции в систему языка модисты мыслили лишь поверхностно. Данное обстоятельство и определяет главную особенность грамматического универсализма, характерного для поздней схоластики: концептуальный строй языка зеркально воспроизводит мир. Поскольку разум как «зеркало» одинаков у всех людей, то и результат отражения универсален. Любые расхождения между языками носят поверхностный характер и касаются только их звуковой формы.

¹ Современная западная философия: Словарь. М.: Политиздат, 1991. С. 221.

К сожалению, к концу XIV в. модизм утратил свои позиции, так как его сторонники сосредоточились на абстрактном философствовании в ущерб эмпирическому изучению языка, что привело к самоизоляции теории от лингвистической практики. А параллельно с этим бурное развитие национальных языков Европы и необходимость их кодификации требовали от исследователей внимания к реальным фактам речи. В канун Возрождения деятельность грамматиста должна была отвечать на запросы практики, а не только на отвлеченные философские вопросы.

Первыми против модистов выступили номиналисты, объявив, что всё общее (универсальное) в языках (т. е. все концептуальное) принадлежит к сфере исследований логика или философа, дело же грамматиста — изучать явления, свойственные отдельным конкретным языкам. Тем самым на триста лет грамматистами была оставлена тема изучения концептуальной языковой структуры.

5. Грамматический универсализм Нового времени

Универсальную грамматику возрождают два аббата из монастыря Пор-Рояль А. Арно и Кл. Лансело в изданной в 1660 г. «Общей и рациональной грамматике», оживив интерес к теоретическому обоснованию явлений языка. Однако грамматический универсализм Нового времени, гимном которого стала Грамматика Пор-Рояля, — это шаг назад от концепции модистов. Главная причина — в идеологии эпохи рационализма, начало которой ознаменовало изреченное Р. Декартом в 1650 г. и разнесшееся до самых отдаленных уголков Европы его знаменитое: «*Cogito ergo sum!*» — «Я мыслю, следовательно, я существую!». Казалось бы, человеческий разум стал главным объектом научно-философской мысли. Но именно это и стало причиной ошибки в оценке его роли в лингвосомиотических процессах: разум, понятийно-логический аппарат и подчиняющаяся ему (обслуживающая его) грамматика универсальны — эти истины воспринимаются в эпоху рационализма уже как априорные, и место поисков универсального языка необходимо систематизировать и математически исчислить грамматику существующих языков. Это даст основу для проектирования совершенного (универсального) языка межнационального общения, ибо «нет ничего такого, что не допускало бы выражения через число. Следовательно, число есть как бы метафизическая фигура, а арифметика является своего рода статикой универсума, посредством которой исследуются потенции вещей» [3, с. 427].

Так в эпоху рационализма вновь оживает фантом общей для всех языков универсальной, рациональной, следовательно, — правильной грамматики, и более ста лет после выхода Грамматики Пор-Рояля ее адепты — грамматисты-универсалисты — публикуют одну за другой «Общую грамматику». Такой была и изданная в Париже в 1769 г. грамматика С. Du Marsais. «Logique et principes de grammaire» («Логика и принципы грамматики») [13], где ее автор в духе Пор-Рояля описывает анализ высказывания от глубинных структур к поверхностным — от логического суждения к конструкции, определяемой как «расположение слов в речи» [13, с. 159, 164]. Когда, уже в середине XX в., Н. Хомский ее прочел, он был поражен тем, что его идеи (о правильной и адекватной грамматике, о глубинных и поверхностных структурах и проч.), оказывается, не новы [12, с. 27], чем признал, что при разработке своей концепции с теорией Пор-Рояля он знаком не был.

А были ли знакомы авторы Грамматики Пор-Рояля с теорией модистов? Конечно, отрицать этого нельзя, ибо все трактаты средневековых философов и грамматистов хранились по преимуществу в церковных и монастырских архивах, тем более, что почти все их авторы, как и авторы Грамматики, написанной в аббатстве Пор-Рояль А. Арно и Кл. Лансело, были аббатами. Однако при оценке влияния средневекового концептуализма и модизма на Пор-Рояль важен учет общеполитического и национально-культурного контекста европейской мысли XV–XVI вв. Безусловно, мировоззрение Ренессанса располагало к тому, чтобы одним из главных объектов искусства и науки стал человек. Но науку о языке, к сожалению, это не затронуло в силу того, что, как уже отмечалось выше, перед грамматистами стояли практические задачи описания новых европейских языков, т. е. создания их практических грамматик. И только к середине XVII в., когда остро обозначился вопрос нормализации этих языков, оживилась идея нормы, правила, «правильности», а значит — универсальности грамматики, и встала задача обоснования общих правил. Однако к этому времени Возрождение «замерло». Как заметил В. И. Вернадский, его прервал в 1660 г. огонь костра, на котором сожгли Джордано Бруно. Вступивший в силу и окрепший к середине XVII в. рационализм возвел любое правило в абсолют: никаких вариантов (модусов существования, представления, обозначения, выражения и проч.) не признается. Нужно найти (лучше — исчислить) рациональное решение, идеал. Такую задачу и поставили

перед собой аббаты из Пор-Рояля, авторы Общей и рациональной грамматики, которые если и унаследовали что-то из средневекового концептуализма, то это наследство сводилось лишь к веками избитой идее: «у всех языков одна грамматика».

Заключение

Нашли ли место идеи средневекового концептуализма и модизма в современной лингвистике?

Идеи относительности, вариативности языкового представления и выражения блестяще использовал в своей концепции Г. Гийом (1883–1960) при описании и анализе когнитивно-семиотических процессов. Выдвинутая и обоснованная им в начале XX в. гипотеза об интуитивной механике лингво-когнитивной деятельности, на первый взгляд, близка идее Н. Хомского об универсальных глубинных структурах. Но принципиальное отличие теории Г. Гийома от порождающей грамматики состоит в том, что его анализ языка и речевой деятельности противится «чистому» формализму [9, с. 83], ибо язык представляется ученым своеобразным «хранилищем» не только всего содержательного материала (лексем, грамем, моделей), но и механики (систематики) его построения и актуализации [14, с. 220–240]. Не случайно за акцент на априорности не грамматической структуры языка, а принципов (principes) ее организации (principia у модистов) Ж. Стефанини назвал Г. Гийома последним и величайшим из модистов [18, с. 14]. Наряду с этим за рассмотрение языка как основного способа, причины и условия существования разума и разумной деятельности в целом, за введение в лингвистическую науку еще в начале XX в. такого объекта, как когнитивно-семиотические механизмы Г. Гийома по праву можно назвать первым и величайшим из когнитивистов [9, с. 79].

В заключение стоит заметить, что концепция Г. Гийома, к сожалению, до сих пор остается малоизвестной в отечественных лингвистических кругах, хотя еще в 1974 г. Ю. С. Степанов отмечал, что значение работ Г. Гийома, утверждавшего в лингвистическом анализе антропологический принцип, «только сейчас начинает осознаваться во всей полноте» [6, с. 14–15]. Наконец, хочется согласиться с Н. Н. Болдыревым и утвердиться в надежде, что сегодня к лингвистам пришло понимание того, что «единственно надежный доступ к сознанию обеспечивает только естественный язык» [1, с. 56]. Главное — не забывать то наследие, которое оставили нам мыслители прошлого, в частности, бесценные и продуктивные для современной науки идеи средневекового концептуализма.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Междисциплинарная доминанта когнитивных лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 56–62.
2. Грошева А. В. Грамматические учения западноевропейского средневековья // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л. : Ин-т языкознания, Ленингр. отд., 1985. С. 208–242.
3. Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. Т. 2. Ред., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский. М. : Мысль, 1983. 686 с.
4. Перельмутер И. А. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее средневековье. СПб. : Наука, 1991. С. 7–66.
5. Реферовская Е. А. «Спор» реалистов и номиналистов // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л. : Ин-т языкознания, Ленингр. отд., 1985. С. 243–287.
6. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья / Эмиль Бенвенист. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. С. 8–16.
7. Сус Я. Средневековая философия // История философии в кратком изложении / пер. с чеш. И. И. Богута. М. : Мысль, 1991. С. 196–287.
8. Турбина О. А. Концепт как объект лингвистической науки // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». Т. 10, № 1, 2013. С. 59–65.
9. Турбина О. А. Лингвистическое наследие Г. Гийома: первый и величайший из когнитивистов // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 76–83.
10. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М. : Ин-т яз-знания РАН, 2011. 251 с.
11. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Выпуск 1. М. : Изд-во МГУ, 1972а. 259 с.
12. Хомский Н. Язык и мышление. Выпуск 2. М. : Изд-во МГУ, 1972б. 123 с.
13. Du Marsais C. Logique et principes de grammaire. Т. 1. P. : Chez Briasson, Le Breton, Herissant Fils, 1769. 324 p.
14. Guillaume G. Psycho-systématique du langage. Essai de mécanique intuitionnelle. Espace de temps en pensée commune et dans les structures de langue. Manuscrit. (Fonds G. Guillaume). P. 220–240.
15. Joly A., Stéfanini J. Avant-propos // La grammaire générale. Lille, 1977.
16. Kelly L. G. La grammaire à la fin de la moyen âge et les universaux essais de bibliographie // La grammaire générale. Lille, 1977. P. 1–10.
17. Rosier I. La grammaire spéculative des modistes. Lille, 1983. 223 p.
18. Stefanini J. Avant-propos à une histoire de la psychomécanique // Langage et psychomécanique du langage. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1980. P. 3–18.
19. Thurot Ch. Notices et extraits de divers manuscrits latins pour servir à l'histoire des doctrines grammaticales au Moyen Age // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale et autres bibliothèques, publiées par l'Institut Impérial de France. P. : Imprimerie Impériale, 1868. 592 p.

References

1. Boldyrev NN. A multidisciplinary dominant of cognitive linguistic research. *Cognitive Studies of Language*. 2020;(2(41)):56-62. (In Russ.).
2. Grosheva AV. Grammatical teachings of the Western European Middle Ages. *Grammaticheskije ucheniya zapadnoevropeyskogo srednevekov'ya. Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Srednevekovaya Evropa*. L.: In-t yazykoznaneya, Leningr. otd., 1985. Pp. 208-242. (In Russ.).
3. Leibniz GV. Works in four volumes. *Sochineniya v chetyrekh tomakh*. Т. 2. Red., avt. vstup. stat'i i primch. I. S. Narskiy. M.: Mysl', 1983. 686 s. (In Russ.).
4. Perelmuter IA. The grammatical doctrine of the modists. *Grammaticheskoe uchenie modistov. Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Pozdnee srednevekov'e*. SPb.: Nauka, 1991. Pp. 7-66. (In Russ.).
5. Referovskaya EA. The “Dispute” between Realists and Nominalists. «Spor» realistov i nominalistov. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Srednevekovaya Evropa*. L.: In-t yazykoznaneya, Leningr. otd., 1985. Pp. 243-287. (In Russ.).
6. Stepanov YuS. Emil' Benvenist i lingvistika na puti preobrazovaniy. Vstupitel'naya stat'ya = Emile Benveniste and linguistics on the path of transformation. / Emil' Benvenist. *Obshchaya lingvistika*. M.: Progress, 1974. Pp. 8-16. (In Russ.).

7. Sus Ya. Medieval philosophy. Srednekovaya filosofiya. *Istoriya filosofii v kratkom izlozhenii; per. s chesh.* II Boguta. M.: Mysl', 1991. P. 196-287. (In Russ.).
8. Turbina OA. Concept as an object of linguistics. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"*. 2013;10(1):59-65. (In Russ.).
9. Turbina OA. Linguistic Heritage of G. Guillaume: The First and the Greatest of Cognitivists. *Cognitive Studies of Language*. 2021;(4(47):76-83. (In Russ.).
10. Ufimtseva NV. Linguistic Consciousness: Dynamics and Variability. *Yazykovoie soznanie: dinamika i variativnost'*. M.: In-t yaz-znaniya RAN, 2011. 251 p. (In Russ.).
11. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. *Aspekty teorii sintaksisa. Vypusk 1.* M.: Izd-vo MGU, 1972a. 259 p. (In Russ.).
12. Chomsky N. Language and Mind. *Yazyk i myshlenie. Vypusk 2.* M.: Izd-vo MGU, 1972b. 123 p. (In Russ.).
13. Du Marsais C. *Logique et principes de grammaire. T 1.* P.: Chez Briasson, Le Breton, Herissant Fils, 1769. 324 p. (In Fr.).
14. Guillaume G. *Psycho-systématique du langage. Essai de mécanique intuitionnelle. Espace de temps en pensée commune et dans les structures de langue. Manuscrit. (Fonds G. Guillaume). P. 220-240.* (In Fr.).
15. Joly A, Stéfanini J. *Avant-propos. La grammaire générale. Lile, 1977.* (In Fr.).
16. Kelly LG. *La grammaire à la fin de la moyen âge et les universaux essais de bibliographie. La grammaire générale. Lille, 1977. Pp. 1-10.* (In Fr.).
17. Rosier I. *La grammaire spéculative des modistes. Lile, 1983. 223 p.* (In Fr.).
18. Stefanini J. *Avant-propos à une histoire de la psychomécanique. Langage et psychomécanique du langage. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1980. Pp. 3-18.* (In Fr.).
19. Thurot Ch. *Notices et extraits de divers manuscrits latins pour servir à l'histoire des doctrines grammaticales au Moyen Age. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale et autres bibliothèques, publiées par l'Institut Impérial de France. P.: Imprimerie Impériale, 1868. 592 p.* (In Fr.).

Информация об авторе

О. А. Турбина — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Института лингвистики и международных коммуникаций

Information about the author

O. A. Turbina — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Translation at Institute of Linguistics and International Communications.

Статья поступила в редакцию 27.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 27.02.2026; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 22.05.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.